

«Статья О. Линдмана делает нас как бы свидетелями, соучастниками смены постулата в генетике, казавшегося неколебимым как скала» (с. 168).

В книге читатель найдет еще немало интересных мыслей и фактов, которые за-

ставят его задуматься. Однако основная ее идея выражена все-таки в словах В. Я. Александрова, которые М. Д. Голубовский взял в качестве первого эпиграфа: «Научные идеи не могут не стареть, не стареют лишь лженаучные».

Е. Б. Музрукова

Sirotkina I. Diagnosing Literary Genius: A Cultural History of Psychiatry in Russia, 1880-1930. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2002. — 269 p.

Выступая на Второй Всероссийской конференции по вопросам психиатрии и неврологии в ноябре 1923 г., советский психиатр Л. М. Розенштейн заявил, что «коммунизм есть советская власть плюс диспансеризация всей страны». Имелись в виду те самые диспансеры, которые позднее приобрели приставку «псих» и стали пугалом для всякого мыслящего человека. Согласно подсчетам Розенштейна, 54 % рабочих, 76 % школьных учителей и 72 % медицинских работников страдали либо от нервных, либо от психических заболеваний. Этот любопытный эпизод, приводимый в книге И. Е. Сироткиной, следует рассматривать в общем контексте становления и развития психиатрии как профессиональной области: и в XIX, и в XX вв. психиатры нуждались в поддержке общества, поэтому их обращение к политической лексике выглядит весьма логичным.

Очевидно, что той же цели служили и выступления психиатров в печати с анализом различных сторон культурной и социальной жизни, а также литературных произведений. И в этом смысле рецензируемая монография является ценным вкладом в историю развития психиатрии в России и как медицинской дисциплины, и как профессиональной области. Автор рассматривает жанр патографии, восходящий к трудам немецкого психиатра Пауля Мёбиуса, который стремился анализировать психологию выдающихся личностей с точки зрения психиатра. Это направление, предполагавшее существование особой и не всегда очевидной связи между гением и психическим расстройством, пользовалось большой популярностью во второй половине XIX — первых десятилетиях XX вв. И хотя сейчас подобные работы выглядят как очевидная дань времени с его культом гения, а также паническим

страхом вырождения, в них отразились важные проблемы развития самой психиатрии. Не случайно на страницах книги И. Е. Сироткиной в том или ином качестве появляются практически все видные представители отечественной психиатрии. Однако, как предполагает само название книги («Культурная история психиатрии в России»), история психиатрии понимается в ней как часть истории культуры, ибо психическая болезнь всегда выступала в качестве не только медицинской, но и важной культурной и социальной темы. Обращаясь к темам русской литературы и культуры, психиатры стремились говорить с обществом на его языке, более того, пытались формировать этот язык и осознавали себя как носители важной моральной и общественной миссии.

Тема психической болезни известных писателей, прежде всего Гоголя и Достоевского, а также ее преломление в их литературных произведениях занимали русскую читающую публику с давних пор. В первой главе анализируются наиболее ранние примеры патографических исследований. Одним из пионеров в этой области был психиатр В. Ф. Чиж, и автор показывает, как под влиянием социальных и политических воззрений, а также особенностей его научной позиции у него формировался интерес к литературе. Один из немногих поклонников криминальной антропологии Ч. Ломброзо в России, Чиж придерживался ярко выраженных консервативных взглядов, неизменно осуждая революционеров и революционное движение. В то же время он был одним из инициаторов проведения исследований по экспериментальной психологии в психиатрических клиниках, а также одним из первых русских последователей Эмиля Крепелина, которого сменил на посту профес-

сора в стремительно русифицировавшемся в 1880-е гг. Дерптском университете. Болезнь и девиантность связывались у Чиж с утратой морального чувства и ослаблением внутренней воли. Это не означало, однако, отрицательного отношения к изображению психических расстройств в литературе — скорее литература виделась в качестве союзника в космической драме борьбы воли и разума с беспорядком, безумием и, в конечном итоге, вырождением. Так, Чиж полагал, что произведения Достоевского можно использовать в качестве прекрасного учебника для психиатров, «объяснить» Достоевского также под силу только опытному психиатру, а «помочь» Дмитрию Карамазову мог бы опять-таки исключительно психиатр. Поразительно, насколько это мнение близко взглядам идеолога народничества и литературного критика Н. К. Михайловского, не желавшего принимать у Достоевского идеи зла как глубоко укорененного в природе человека и в этом смысле «естественного» начала.

Как демонстрирует автор во второй главе, не только литературные критики и публицисты, но и психиатры склонялись к более сложному и содержательному пониманию человеческой природы. Н. Н. Баженов, ученик и друг С. С. Корсакова, предстает в этом отношении как выразитель новых идей и в то же время как один из пионеров гуманизации психиатрии. Анализируя литературное творчество Достоевского и Мопассана, он противопоставляет дегенерации (в существовании которой, впрочем, не сомневается) «регенерацию», понимая под этим термином переход к более высокому типу личности и духовности, который, однако, сопровождается нарушениями психической жизни. И даже эпилепсия самого Достоевского трактуется им с этой точки зрения. Для Баженова болезнь гения не может быть знаком вырождения, а значит, и источником потенциальной опасности. Работы Баженова о литературе естественно сочетаются с его практической деятельностью по реформированию лечебницы для душевнобольных в Рязани, его работой в московской Преображенской больнице, а также его интересом к созданию санаториев для невротиков. С другой стороны, стремление Баженова отпереть замки сумасшед-

ших домов и преодолеть стигматизацию болезни контрастирует с его собственной политической несвободой: связанный с народниками (а позднее масонами) Баженов в 1880-е гг. находился под постоянным надзором полиции.

Представителями нового поколения психиатров болезнь все чаще воспринималась не как чисто негативный феномен, а, скорее, как ключ к тающимся в душе смыслам. И в третьей главе рассматривается становление психотерапии и психоанализа в России. Интересно, что видный психиатр Н. Е. Осипов, труды которого сыграли столь важную роль в развитии этих новых видов лечения, находился, как показывает автор, под непосредственным влиянием Толстого и толстовской критики «нестественной» жизни образованных классов. Сам Осипов много писал о Толстом и его героях, отмечая, что литературный анализ Толстого является «наиболее совершенным методом познания личности». Не случайно психотерапия в немалой мере понимается им как «очищение души» и эмоциональная терапия. В работе с невротиками в клинике Московского университета в 1906–1911 гг. Осипова поддерживал В. П. Сербский, от него же исходило и приглашение Осипова в клинику.

В четвертой и пятой главах большое внимание уделяется участию психиатров в политической жизни, их отношению к тем новым возможностям, которые открылись перед представителями их профессии после Октябрьской революции и, в частности, перед так называемой «малой» психиатрией. Автором представлен богатый материал, связанный со съездами психиатров, их публичными речами, политическими конфликтами, в том числе и в стенах самих психиатрических учреждений (отчасти эта тема уже рассматривалась в статье автора на русском языке — см. [1]). Провоцируется ли психическая болезнь самими условиями жизни, то есть отсутствием свободы и ограничениями, наложенными на общественную деятельность? Не следует ли наконец раскрыть глаза и увидеть, что источник «нашей национальной болезни» заключается в царском режиме? Не является ли декадентская литература «болезненным» уходом от жизни? Возможно, именно в этот период — с начала XX в. и до наступления сталинизма — пси-

хиатры в наибольшей степени осознают важность своей общественной роли. С другой стороны, после 1905 г. революция все чаще и чаще предстает как массовое помешательство, как проявление самых дурных, патологических инстинктов толпы. Так, Н. Н. Баженову пришлось столкнуться с требованием «революционных масс» допустить их к контролю над психиатрическими учреждениями.

Анализируя литературные произведения, психиатры искали в них подтверждения своих идей и отстаивали мысль о важности своей профессии, ее особой миссии в обществе. Как в то же время отмечает автор, у многих «патографов» интерес к литературе мог быть связан с неудовлетворенностью жесткими классификациями школы Крепелина, а также с неоправданными, на их взгляд, притязаниями экспериментальной психологии на понимание человека, что и заставляло их подчеркивать важность интуитивного контакта психиатра и больного, побуждало искать союзника в литературе. При этом, однако, автор, возможно, упускает из вида еще одну немаловажную грань проблемы: как интерес к патографии соотносится с вопросом о различных источниках финансирования психиатрии (земства, правительство, частная медицина)? Любопытно, что ряд врачей, работавших в этой области, по-видимому, активно занимались частной практикой. Уже поэтому эти психиатры могли быть больше других, заинтересованы в изучении болезни как культурного феномена. С другой стороны, для такого специалиста, как В. Ф. Чиж, обращение к патографии могло быть также обусловлено особенностями профессиональной биографии, которые заставляли его усматривать в болезни угрозу для государства. Ведь, по свидетельству автора, он был связан с «правительственной» медициной: работал в тюремной больнице, затем был отправлен за границу на средства МВД, а в соответствии с законом 1884 г. его назначение на кафедру в Дерпте исходило от Министерства просвещения, а не коллег. Руководствуясь этой логикой, у деятелей земской (и в особенности сельской) психиатрии интерес к этой теме должен был быть относительно слабым, так как их основной задачей, как можно предположить, было лечение «явно» опасных случаев.

Бесспорно, однако, что история психиатрии неотделима от «культурного» измерения безумия. Поразительно, насколько различными и даже несовместимыми были представления о «правильном» и «моральном» поведении в русском образованном обществе и в то же время насколько охотно и часто литераторы, публицисты и чиновники использовали терминологию, применяемую для описания душевного нездоровья и болезни. Так, русскому правительству казалось необходимым влияние нравственной проповеди Толстого, и потому обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев пишет царю, что Толстой «заражает» наивных людей, выступая в роли источника психической эпидемии (с. 76) (в этой связи представляется интересным вопрос о роли психиатров в интерпретации такого «массового» феномена, как сектантство). Очевидно, что, говоря о «безумии» общества, толстовцы или сторонники хождения в народ понимали его по-другому; в свою очередь, основная часть интеллигенции могла сочувствовать их выбору, но жить при этом совсем иначе. В русской литературе также складывается притягательный образ сумасшедшего как нравственно «неповрежденной» личности. Возможно, дискурс болезни и патологии помогает выразить и отчасти «справиться» с иначе неразрешимыми внутренними противоречиями самой культуры.

Посетивший незадолго до Первой мировой войны швейцарского психиатра и психоаналитика К. Г. Юнга московский врач М. М. Асатиани рассказал ему о трудностях, с которыми столкнулся в своей практике, пытаясь применять юнговский аналитический метод. Описывая это посещение в письме Фрейду, Юнг предположил, что неудачи анализа заключаются не только в недостаточной подготовке самого Асатиани, но и в самой русской культуре. По словам Юнга, в русском обществе человеческая личность плохо выражена, слабо дифференцирована и напоминает «рыбу в косяке» (с. 142–143). Хотя в целом культурологические построения Юнга вызывают мало доверия из-за присущего им расизма, по-видимому, следует признать, что не только представления о норме и болезни, но и само человеческое тело (понимаемое как тело индивида

и как тело общества — объект приложения гигиенических, демографических, медицинских знаний) могут по-разному конструироваться в различных национальных культурах. И выходя за рамки исследования И. Е. Сироткиной, мы можем увидеть, что, по крайней мере в некоторых отношениях, русские психиатры были менее склонны к социально опасным выводам и рекомендациям, чем их европейские и американские коллеги.

В частности, это касалось опасности вырождения. С одной стороны, угроза вырождения безусловно признавалась, и с точки зрения русских психиатров многие литературные герои были его яркими образцами. Но, с другой стороны, нецивилизованность, отсталость, бедность было намного сложнее маргинализировать и представить как патологию, так как в отличие от западных обществ основная масса «нецивилизованных» людей, носителей «неевропейской» культуры, находилась не в заморских колониальных владениях, а в деревне и принадлежала к той же самой расе; при этом образованный класс испытывал, по крайней мере на словах, сочувствие к униженным и оскорбленным. Любопытно, что практически никто из русских психиатров не выступал за использование метода стерилизации, который находился в центре внимания многих западных психиатров (особенно в Германии и Америке) и рассматривался в качестве единственно действенного средства против вырождения.

Возвращаясь к высказыванию Розенталя о диспансеризации, отметим, что диспансеры в то время мыслились как центры психотерапии, профилактики и социальной работы. После «культурной революции» 1928–1932 гг. эта линия развития была прервана, и центральное место в системе психиатрической помощи заняли не диспансеры, а больницы, в то время как идеи психотерапии постепенно уступали место жестко организованной системе представлений о «норме» и патологии. Автор остроумно сопоставляет эти изменения с появлением «нормативного героя» в советской литературе 1930-х гг., а также констатирует их бесспорную связь с общим ужесточением культурных барьеров и границ в эпоху сталинизма.

Эти особенности нашей недавней истории делают книгу И. Е. Сироткиной особенно интересным, захватывающим чтением, открывая богатое смыслом культурное пространство безумия и разума. Тем более важным представляется появление монографии на русском языке. Хотелось бы увидеть в нем иллюстрации, которые в английском издании, к сожалению, отсутствуют.

Литература

1. Сироткина И.Е. Психопатология и политика: становление идей и практики психогигиены в России // ВИЕТ. 2000. № 1. С. 154–177.

К. О. Россиянов

Organisms, Genes, and Evolution: Evolutionary Theory at the Crossroads /
Eds. D. S. Peters, M. Weingarten. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. — 243 p.

Наше время отмечено информационным бумом в биологии: в мире издаются свыше 10000 биологических и медицинских журналов, только по генетической тематике в год выходят сотни тысяч статей. На этом фоне рецензируемый сборник, представляющий собой труды одноименной конференции, состоявшейся 9–12 октября 1996 г. в Институте Сенкенберга во Франкфурте-на-Майне, — «капля в море». Однако выход этой книги является крупным событием в жизни биологического сообщества, поскольку в нее включены материалы круглого стола с

участием философов и биологов, представлявших когнитивные модели живых организмов, имеющие большое значение для понимания эволюции живого. Ведь современные концепции эволюции отнюдь не монолитны, как может показаться, это «архипелаг» знаний и концепций, порой дополняющих друг друга, порой друг другу противоречащих. Целью конференции как раз и было связать «острова» этого «архипелага» в целостную сеть. Многоаспектность предложенных подходов, стремление сложить из имеющихся фрагментов целостную картину-моза-